

Василий МЯКУШЕНКО

РЫБАЛКА ПОД ПИКАЛОВЫМ МОСТОМ

Повесть

- О чем поют воробушки
В последний день зимы?
- Мы выжили!
- Мы дожили!
- Мы живы! Живы мы!

На втором этаже углового дома, стоящего на пересечении Крюкова и канала Грибоедова, на диванной подушке без ножек у остывшей печки, замотанный в солдатскую шинель, похожий на тряпичную куклу, лежал мальчик и пустыми глазами смотрел в темный угол. Пыльная комната качалась в полумраке. Все окна, выходящие на набережную, мама с братом утеплили тряпками, прижав к треснутым стеклам железные спинки от кроватей. Только одно большое окно, служившее выходом на металлический балкон, крест-накрест заклеили полосками газет и занавесили старым одеялом. Одеяло отворачивали и крепили за вбитую скобу, для прохождения света через мутное стекло. Комната сквозила пустотой. Почти все дерево, включая межкомнатные двери, сгорело в печке. Осталось самое необходимое. К выступу второго окна одной стороной прислонился шаткий стол. Низкая лежанка матери пряталась за занавеской, еще одно спальное место — кроватьная сетка без спинок с матрасом и заправленным одеялом — лежало рядом с печкой. В углу, без дверок и полок, прислонился к стенке резной сервант с наваленной грудой посудой. Обои вместе с газетами были сорваны со стен косыми полосками. Тут же у печки серыми комочками валялась пожеванная бумага.

Грюкнула входная дверь, обитая рваным ватным одеялом, потянуло морозным сквозняком. В комнату, облепленный снегом, вошел пацан лет тринадцати.

— Валька, привет! Живой, не замерз? Потерпи, братан, я печку сейчас раскопечегрю, согреемся, — бросил он на ободранный пол метровый кусок обгоревшей балки. Продолжая громко разговаривать, Вовка поднял огрызок веника, отошел в другой угол, отряхнулся и стал с валенок счищать снег.

— Забегал к маме, она хлебушка передала и почти варешку гороха насыпала, так что живем, Валуха. Супчик горячий сегодня поедим. А назавтра даже сахар обещали.

Василий Викторович Мякушенко родился в 1974 году в г. Бурынь (Украина). Окончил Калининградское высшее инженерное училище инженерных войск. Служил в Западной Сибири в ракетных войсках стратегического назначения. Печатался в литературно-краеведческом альманахе «Оредеж». Живет в г. Гатчине.

Валя зашевелился, но вылезти из-под тяжелой шинели так и не смог.

— Лежи, не трать силы. О, молодец, и растопки нажевал. Смотри бумагу не глотай, только крахмал слизывай, а то кишки забьются и каюк.

Вовка скинул тяжелый ватник и прошел в боковую комнату. Вместо двери отогнул прибитое покрывало, сшитое из кусков шинельного сукна. Под окном стояли раздутые ведра со льдом. Закопченный чайник, литровый бидончик, кастрюли и сковородки, пустые бутылки и банки, разная хозяйственная утварь вперемешку с одеждой и тряпками были свалены по углам. Выбрав из кучи армейский котелок, Вовка куском заточенного штыря наколол в ведре льда. Выбрав ледяное крошево кружкой, прихватил топор и поспешил к брату.

Вскоре комнату затянуло дымком. Расколотая сухая балка потрескивала в железной печке, зашипело в котелке.

Валя уснул. Вовка поправил брату съехавшую на глаза шапку и подвинул ближе к теплу. Вывернув варежку, пересыпал в тарелку горох и пересчитал. Двадцать шесть целых, четырнадцать мятых и двенадцать половинок. Подумав, он достал из шкафа жестяную коробочку из-под монпансье и зацепил ложку перловки.

Теперь порядок. Замотанный в тряпочку кусок хлеба, чтобы не куснуть, накрыл тарелкой. Из кармана ватника достал серый комочек и присел к подоконнику, где больше света. Прежде чем начать кропотливую работу, погрел у печки опухшие от холода красные пальцы.

Замерзшего воробья он нашел в щели между кирпичами, на разбитом чердаке разрушенного бомбой двухэтажного дома. По дороге в нагрудном кармане воробей согрелся и начал трепыхаться. Вовка засунул руку, нащупал пальцами тонкую шейку и сдавил до хруста.

Лишившись перьев, на подоконнике лежала крохотная сизая тушка, облепленная серым пухом, с раздутым животиком, большой головкой и когтистыми лапками. «На Вальку похожий, такой жедохлый», — Вовка оторвал воробьиную головку и вместе с перьями бросил в печку, а лапки и крылышки с остатками перинок оставил для навару. Из печки завоняло паленым, зашевелился под шинелью Валька. Вовка положил воробья в ложку, сверху посолил и аккуратно опустил в кипящую воду.

— Давай, Валя, вставай потихонечку, — откинул Вовка шинель. Поднял под руки легкое тельце, посадил, прислоня брата спиной к стенке.

— Может, шапку снять?

Валя еле кивнул. Под шапкой его стриженная голова была обмотана сползшим на затылок маминым платком. Перевязав платок, Вовка снял с печки котелок, размял ложкой разваренного воробья. Выловил лапки с перьями, отлил парующей жижи в кружку. Кусок хлеба разделил на четыре части. Два кусочка на утро оставил под тарелкой. Накрошив хлеба в кружку, Вовка подсел к брату.

— Так, давай. Только не трясись и ложку зубами не хватай.

Покормив брата, Вовка дохлебал остатки супа, тщательно пережевывая все воробьиные косточки.

— Ну что, ожил? Вот видишь, а мамка все плачет. Ей сказали, что если говорить перестал и не хнычет, значит, скоро помрет. А ты уже с ноября молчишь и жив-здоров. Да и чего без толку ныть и болтать, да, Вальуха? Вот разобьем фашистов проклятых, как погоним от Ленинграда. Ура! Победа! Смерть проклятым оккупантам! Так крикнем — у Гитлера в Берлине уши лопнут.

От Вовкиного рассказа Валя оживился, оскалил мелкие зубки, сжал маленькие кулачки и стал похож на испуганного суслика.

— Ладно, сиди грейся. Я в печку подкину и сбегаю за дровами на ночь. Мамки сегодня не будет, так что не жди. Ну, все, не скучай.

Пока не стемнело, Вовка побежал на улицу Мастерскую проверить ловушку. В бывшем католическом соборе на дырявой купольной крыше жили голуби. Попасть на ту крышу было непросто, только если перелезть из чердака соседнего дома. В соборе находилась мастерская по сборке противогозлов, но с осени ее закрыли. Сверху между балками Вовка натянул куски рыболовной сетки с привязанными крючками. Сетку, катушки лески и крючки он украл из сарая деда Игната. Раньше Вовка стрелял голубей из рогатки в Никольском сквере, по набережным каналов и на Садовой. Но сейчас почти все деревья спилили, а те мелкие, что остались, стояли голые, без веток. Даже вороны пропали. Ловушки Вовка ставил в разных местах: на чердаках заброшенных складов — на птиц, а в проходных подворотнях — на собак. В узком проходе между сараями в Дровяном переулке он натянул петлю из гитарной струны, а для приманки подвесил крысиную голову. Собаку удалось поймать только раз, в первые морозы. Хорошо, что не пришлось добивать. К его приходу она одеревенела в петле. Там же за сараями Вовка разрубил мерзлое сухое тело. Ножом срезал шкуру и облепленные шерстью кости, варил в ведре. Хлеб, что давала им на день мама, оставлял Вальке, а сам ел собаку.

Под обугленными остатками сгоревшего Могилевского моста, вмерзшего в канал Грибоедова, Вовка услышал утробное рычание.

«Собаки», — похолодело у Вовки в груди. Вот так удача, только бы не спугнуть, — начал он осматриваться в поисках увесистой каменюки. Рядом ничего не наблюдалось, из снега торчали только куски грязного льда. Груды кирпичных обломков разрушенного дома находились на той стороне канала: Эх, далековато. Пока никого нет, надо действовать. Для верности требовалось несколько снарядов. Даже если оглушить в голову, то добивать или защищаться придется с близкого расстояния. Пацаны рассказывали, что так зазевавшегося Жеку из восьмого класса стая собак порвала.

«Надо рискнуть», — достал Вовка из перекинутой за спину противогозлов сумки геологический молоток с короткой ручкой, обмотанной прочной ниткой. Из оружия имелись нож, трехгранный напильник, большая вилка с тремя зубьями и кусок велосипедной цепи с защелкнутым на конце замком. Все эти инструменты Вовка таскал с собой для проникновения в разрушенные помещения и защиты.

Две дворняги, черная лохматая и рыжая с большой головой, перегавкиваясь, трепали что-то торчащее из-под обгорелой стойки. Вовка подкрался поближе и спрятался за сугробом. Расстояние меньше двух метров. Для удобства скинув ватник, он пару раз присел и сделал несколько тренировочных замахов.

«Вперед!» — дал себе команду, сжав в кулаке рукоятку молотка, поднятую над головой. В другой руке держал цепь. Потихонечку обходя сугроб, он с колотящимся сердцем шел на рычание: «Швыряю в голову рыжей, она крупнее, потом добиваю, только бы не поскользнуться». Собаки грызлись внизу на льду, Вовка стоял чуть выше, на удачной позиции. Хриплые рычания с приближением становились громче. Из-за сугроба показались выгнутая дугой тощая спина и лохматый в мелких сосульках хвост, мотающийся из стороны в сторону. У собачьих лап валялся разгрызенный валенок. Вовка дернулся грудью вперед и тут же замер. Под камнем набережной он увидел растрепанные, смерзшиеся седые волосы и серое стеклянное лицо. Отшатнувшись назад, Вовка упал на колени, ткнулся головой в снег, его вывернуло водой и желтой желчью. За всю блокаду он первый раз плакал. Собаки грызли ноги Надежде Семеновне, его любимой учительнице географии.

Ловушки в этот день Вовка так и не проверил. Прогнав собак, он, как смог, временно похоронил Надежду Семеновну. Обложил тело натасканными обломками кирпичей, головешками от сгоревшего моста, кусками льда и курганом нагреб снега. Раз-

битый и вымотанный, он поплелся в Дровяной переулок. «Сдохну, но собак жрать не стану», — прохрипел Вовка в темноту прохода, сорвав все поставленные петли.

Мерзлых уличных мертвецов Вовка не боялся, уже привык. Ужасался и немел от неожиданных встреч с мертвяками в тесных помещениях, сараях или разрушенных домах, где часто рыскал в поисках чего-то ценного. Ковыряясь в разваленном сарае деда Игната, Вовка полез в дальний захламленный угол и сдернул с бочки кусок мешковины. Откуда-то сбоку на него свалилась оскаленная мумия старика, стукнув каменной головой Вовку в грудь. От неожиданности Вовка вскрикнул и рванул домой. Пока бежал, теплая струя стекала по ноге в валенок. Просушив штаны, он снова полез в хозяйство деда Игната. Укрыв припорошенного снежком скрюченного деда мешковиной, Вовка вспомнил, что в этом сарае дед не только плел сетки, но и солил рыбу. Рыбы Вовка не нашел, но под верстаком обнаружил превратившийся в камень мешок соли. О своей находке рассказал бывшему управдому, дежурному по бомбоубежищу. Управдом похвалил, назвал Вовку настоящим пионером и обещал премировать сахаром и помочь с дополнительными карточками на хлеб. Но на следующий день о своем обещании забыл.

— Ты, хлопец, что-то попутал. Откуда у нас сахар, это убежище, а не продуктовый склад, еще и соль какую-то выдумал. Иди, не мешай работать. А лучше помогай снег от входа отгребать.

Заступиться за Вовку было некому. Отец пропал на фронте в самом начале войны. Мать после пожара в типографии, где работала бухгалтером, с большим трудом устроилась в прачечную при госпитале. Днями и ночами измученные женщины с опухшими красными руками кипятили кроваво-гнойное белье. Простреленные и разорванные осколками шинели убитых и раненых замачивали и вываривали в больших чанах, мешая веслами. Потом сушили, а в помещении через стенку кроили и сшивали зимние госпитальные халаты и покрывала. Из обрезков шили рукавицы и стельки для сапог. После смены на выварке мама оставалась мыть полы и ухаживать за ранеными в госпитале. Домой еле приползала, кое-как покормив детей, без чувств падала на лежанку.

Напоив Вальку теплой хлебной водичкой и оставив свой кусок, Вовка побежал к маме на работу. Сегодня дополнительно к норме хлеба обещали сахар и мерзлую капусту.

— Сейчас, сыночек, ненадолго зайдем в женский корпус к тете Тамаре. Она просила ее карточки отоварить, — на выходе из прачечной обняла мама Вовку. — Как Валя?

— Ничего, вроде заснул. Печка горит, пока тепло. Мам, — продолжил Вовка, — Надежда Семеновна умерла.

— Ой, сыночек. А кто это?

— Учительница наша, по географии.

— А-а-а. Горе-горе, — быстро проговорила мама, — у нее ведь дочка в полку связи служит. Наверное, уже сообщили.

— Она под мостом лежит.

— Кто? — испугалась мама.

— Надежда Семеновна. Я ее снегом закидал, от собак.

— Хорошо, сынок, на обратном пути коменданту госпиталя доложим. Кажись, Морошкина ее фамилия?

— Да, — подтвердил Вовка и тихо добавил: — Моя учительница...

В заставленном кроватями коридоре мама сняла пальто и прошла в отгороженный угол за ширму. Вовка снял шапку, расстегнул ватник и уселся рядом на пол у пустых ведер, тряпок и швабр.

— Ой, Нина, как хорошо, что пришла. Ты у меня последняя надежда, единственная из близких во всем городе осталась. Спасибо, родная, — слышался слабый голос из-за ширмы.

— Как ты, Тома? Нельзя сейчас болеть. Твое место держать надо, а меня одной у чанов надолго не хватит. Сегодня ночью Степановна помогала. Ну какая из нее помощница? Сама еле ноги волочит, того гляди, в кипяток свалится.

Послышался стон, потом редкие всхлипы переросли в тихий протяжный вой.

— Ну что ты, Тамарочка, не плачь, все будет хорошо, ты только поправляйся, я поработаю, — успокаивала мама подругу.

В ведре с мелкими инструментами Вовка заметил острый железный скребок, похожий на маленькую лопатку. Покрутив в руках, со вздохом положил назад, а блестящий скальпель с отломанным кончиком не удержался, сунул в галошу.

— Тише-тише-е-е. Вот выпей водички, успокойся, — застучала об зубы алюминиевая кружка.

— Все, Нина, я в порядке. Теперь послушай меня, только не перебивай. Обещаешь?

— Обещаю, — мама взяла Тамару за руку.

— Мне, Нина, конец, несколько дней домучиться осталось... Так я же тебя просила, не перебивай, — стал тверже голос Тамары. — Сгнило у меня все внутри, брюхо внизу раздулось, черная кровь с гноем пошла. Врач даже смотреть не стал, махнул рукой и ушел. Но это ладно, я смирилась со своей смертью. Вот только как с Танечкой быть? В детдоме она не выживет, сразу погибнет. Всем святым, что есть на этом свете, умоляю: заведи к себе дочку.

Мама отвернулась, не смогла отказать, глядя на больную.

— Куда я ее заведу, Тамара? У меня Валька на последнем издыхании, кожа да кости, не говорит уже. Вовка с голодухи по мусоркам лазит, пропитание ищет. Сама с ног валюсь. Прости, не осилю я троих.

— Подожди, дай мне перед смертью выговориться, — часто задышала Тамара.

— У меня на квартире немного продуктов спрятано. Вот карточки мои и Тани, все, что сумеешь получить, возьми себе. Сразу не отказывай, подумай хорошо. Я расскажу, как тебе самой выжить и детей спасти. Будешь слушать?

— Буду. Говори, только успокойся.

— Недавно я бабушкино наследство — перстень золотой с изумрудом — обменяла на продукты. Заведующий лекарственным складом Портков Павел Борисович, такой согнутый, как коромысло, в шинели голубой с воротником и шапке каракулевой. Это он помог золото обменять и меня сюда пристроил.

— Поняла, о ком ты, Тома. Видела я его несколько раз в госпитале.

— Ну, так вот. Павел Борисович — очень влиятельный человек. Я до войны с его женой знакомство водила, платья шила. Теперь самое главное. Он мне весной эвакуацию обещал. В ближайшую очередь вписал. Ну, конечно, не просто так. Я ему браслет золотой с рубиновыми рыбками и брошь старинную, бабкину, с драгоценными камнями пообещала. Он как увидел, сразу согласился помочь, заверил, что все сделает и продуктами обеспечит. Сказал, что по нынешним расценкам это потянет на мешок крупы, полпуда сахара и десяток банок тушенки, ну и там другое, может, яичный порошок и горох. Так вот, Нина, если поклянешься, что дочку мою не оставишь и спасешь, я тебе все отдам. На эвакуацию вместо меня с детьми уедешь. У меня сестра родная на Урале живет, бездетная. Напишешь потом ей, она Таню заберет. Только спаси дочку, молю тебя, главное, выведи из Ленинграда.

В щелочку Вовка увидел, как мама близко наклонилась к тете Тамаре, а та ей что-то долго шептала на ухо. Прощаясь, отдала ключи.

На следующий день Нина столкнулась с Павлом Борисовичем в коридоре, где лежала Тамара. Он вышел из-за ширмы с серым лицом и перекошенным, сухо сжатым ртом. Тамара была без памяти. Металась по кровати и хрипло кричала: «Не обижайте сиротку... Отдайте Тане макароны...»

Утром мама разбудила Вовку и попросила, чтобы он взял санки и ждал ее на Фонтанке у Египетского моста.

Пожевав с Валькой хлебushка, чуть припорошенного сахаром (удалось получить сто граммов), и запив горячий, немного подслащенной водичкой, Вовка побежал на Фонтанку.

— Так, сынок, теперь с нами будет жить девочка Таня, — сказала мама, как только увидела Вовку.

— Той тети, что умерла?

— Да.

— А кто ее кормить будет? — вырвалось у Вовки.

— Не переживай, тебя не обьест, — сухо ответила мама и пошла к парадной желтого дома.

Вовке стало стыдно. Он хотел другое спросить, но получилось, о чем постоянно думал, то и вырвалось.

— Я не жадный...

Но мама махнула рукой и поторопила: «Давай шевелись! На третий этаж санки тащить!»

Одетая в кроличью шубку, Таня сидела на кровати в ворохе покрывал и подушек.

— Здравствуйте, вы тетя Нина? Я давно вас жду. Мама говорила, что вы обязательно за мной придете, — улыбнулась девочка. Возле кровати стояли перевязанный тесемкой фанерный чемодан, сумка и плетеная корзинка с тетрадками, фотоальбомом и книжками.

— Здравствуй, Таня. Все правильно, я тетя Нина, а это Вовка. Ну что, давай собираться, тут недалеко.

— А можно, я подушку и одеяло свое возьму?

— Конечно, Таня. Мы потом еще не раз вернемся, все, что хочешь, заберем. Сынок, давай помогай.

Пока дети копошились возле санок, привязывали чемодан и корзинку, Нина прошла в другую комнату. В шкафу под тряпками достала вещмешок с продуктами. Развязав лямки, сделала быструю ревизию: мешочек перловки килограмма на два, столько же пшена, сухофрукты, замотанные в носовой платок слипшиеся конфеты «подушечки», две пачки печенья, коробка вермишели, пол-литровая банка маргарина и кусок сахара на полкило. После скудного пайка последних недель это было настоящим богатством. Осмотрев комнату, Нина подошла к окну и откинула светомаскировку. Под гранитным подоконником нащупала выпуклость и вытащила кирпич. Из углубления достала деревянную коробочку. «Теперь выживем, спасибо тебе, Тамарочка», — мысленно поблагодарила Нина покойную малознакомую подругу.

Валя сразу принял и полюбил Таню. Как только увидел такую же стриженую девочку, смущенно заулыбался и начал прятаться под шинель. Совсем скоро они лежали на диванной сидушке, покачивая согнутыми худыми ножками в больших валенках и листали книжку с веселыми картинками. Мама тщательно, по дням, распределила продукты и принялась готовить ужин. Вовка убежал за дровами. Вечером за столом ели густой жирный суп с хлебом. В ту ночь Вовке первый раз за последнее время не снились разрубленные собаки и трепыхающиеся в сетке птицы.

Днем Таня с Валею оставались дома, рисовали в тетрадках и листали книжки, а Вовка убежал в прачечную помогать маме. Вместе встретили Новый год. Вовка раздобыл

сосновую ветку, сбегал к Тане домой, принес елочных игрушек и картонного деда-мороза с ватной бородой. Все смеялись и шутили, когда Валя тихонько подошел к наряженной елочке и осторожно стал лизать стеклянный леденец. На короткое время забыли о войне: в мерцании керосиновой лампы вокруг печки водили хоровод, пили из чашек настоящий чай с конфетами и печеньем. Но когда стали загадывать желания, вспомнили о блокаде.

К концу месяца припасы закончились, дети стали хиреть. Нина решилась и пошла к Павлу Борисовичу. Она и раньше хотела встретиться и поговорить, но чего-то опасалась, оттягивала. Какие-то нехорошие слухи ходили об этом мрачном человеке.

Аптечный окружной склад находился на охраняемой территории госпиталя, и без специальных пропусков туда не пускали. Почти час Нина гуляла возле огороженного помещения, ждала заведующего складом. Пожилой солдат, куривший на крыльце, стал гнать чужую тетку.

— Не положено здесь шататься, давай топай отсюда.

— Да мне к Павлу Бо... Борисовичу очень надо, — жалобно попросила Нина, — я здесь рядом, в прачечной работаю.

— По какому вопросу?

Нина замялась.

— По личному.

— Ха, по личному, — возмутился солдат, — здесь охраняемый объект, а она по личному. Много таких личностей тут ошивается, всех не согреешь и не накормишь.

— А когда он выйдет?

— Когда-когда... когда Гитлер сдохнет, — скривился солдат. Но взглянув на жалкую и дрожащую тетку, немного смягчился.

— Да занят он. Полночи по складу бегают, ящики считает, все проверяет, потом до утра пишет.

— Тогда передайте ему, пожалуйста, что я от Тамары Синельниковой, недавно умершей, из прачечной, он знает, по ее делу хлопочу.

— Ладно уж, скажу. Но если через полчаса не выйду, не жди. Значит, послал он тебя подальше, с твоими хлопотами. Все поняла?

— Поняла! — простучала Нина зубами.

Через десять минут в приоткрытую форточку солдат крикнул:

— Эй, подруга! Завтра в четыре на пропускной скажешь, что с девятого отделения, к заведующему за накладными. Тебя проведут.

В длинном кабинете, заставленном ящиками, мешками и бесформенными тюками с красными крестами, Павел Борисович встретил Нину открыто нелюбезно.

— Чем могу служить-sss? — цыкнул он сквозь зубы, даже не взглянув на вошедшую.

— Я вот по... Мне передали... вот тогда... Тома... — замялась и совсем растерялась Нина.

— Какая, к черту, Тома? Вообще-то, вы кто? Кто вас сюда пустил? — начал он злиться, и его голос противно закрипел.

Нина испугалась и хотела уйти, но вспомнила Вальку (он опять тихо лежал и смотрел в угол), собралась и одним духом выпалила:

— Павел Борисович, Тамара Синельникова — это та умершая женщина, которой вы помогли с продуктами и обещали весной эвакуировать. Она мне оставила дочь и...

— Что вы себе позволяете! Какие продукты в блокадном городе? — закричал он и затряс высохшими костяшками кулаков. — Немедленно покиньте помещение!

Нина шарахнулась назад, зацепилась ногой за тюк, свалилась на ящики и больно ударилась спиной.

— Все-все, давайте уходите, — привстал Павел Борисович из-за стола, грозно нависая над стонущей на полу Ниной.

Нина спешила к детям. На Садовой обходила наметенные бугорки жутких форм с торчащими из снега ногами и беззвучно рыдала. «Что же делать, как выжить, как спасти детей?» Боясь потерять, она всю дорогу ощупывала в кармане небольшой сверток с хлебом, полученную дневную норму. «Так, надо успокоиться, собраться... С остатков муки сварю болтушку. Потом, потом, а что потом?.. — холодела она, ища хоть какой-то выход. — Тамара, Тамарочка, что же случилось? — спрашивала Нина, глядя в черное небо. — Почему он, гад, выгнал меня?»

Тут она вспомнила, что, когда забирали Таню, в шкафу под тряпками она видела завернутую в рваные газеты шубу. «Шубу легче поменять или продать. В госпитале много военных, офицеры, начальство приезжают-уезжают, может, и получится. Завтра пошлю Вовку, или нет, лучше с утра забегу сама».

— Мама, ма... смотри, — обрадованный Вовка ждал в арке дома.

— Чего, сынок? — отвлеклась Нина от тяжелых мыслей.

— Вот чего! — протянул Вовка руки, но в темноте она ничего не увидела.

— Морошкина приходила.

— Господи, какая Морошкина, ты же говорил, что она умерла.

— Дочка Надежды Семеновны. Старший сержант связи. Мы же тогда у коменданта свой адрес оставили. Помнишь?

— Ну, да. И что? — у Нины не было сил разбираться со всем этим.

Вовка, все еще волнуясь, продолжил:

— Надежда Семеновна пропала. Дочка Светлана искала маму, и живую и мертвую. Ей сообщили в часть, она к нам и пришла. Стала спрашивать. Я ей все рассказал. Потом мы вместе пошли к сгоревшему мосту и отрыли Надежду Семеновну. Она там так и лежала под снегом, без валенок.

— Вот и хорошо. Хоть попрощается с матерью и похоронит по-человечески, — вздохнула Нина.

— Мама, она мне полбуханки хлеба и две банки каши с мясом... представляешь, две банки, — еще раз повторил Вовка, — целые.

У Нины закололо под лопаткой, она молча обняла сына. Только возле дверей спросила:

— А чего ты меня не дома, а на улице ждал?

— Боялся, что когда Вальке с Танькой покажу, не утерпим, все съедим и тебе не оставим.

Утром Нина забежала в Тамарину квартиру за шубой. Дверной замок взломали. Вынесли все: сорвали паркет, плитуса и деревянные карнизы; шкаф и стол разрубили на куски и растащили по соседним квартирам, где еще теплилась жизнь. Вывернутые струнные внутренности пианино валялись на битом стекле от серванта и железных спинках кроватей. Даже деревянные рамы и те сняли с картин и семейных портретов. Нина собрала мятые фотокарточки, сунула в сумку и поспешила на работу.

Несколько дней протянем, дальше спасет только чудо, — тащила Нина через госпитальный двор тюки с грязным бельем. Возле прачечной увидела сутулую фигуру в каракулевой шапке.

— Как вас зовут? — резко спросил Павел Борисович. — И что вы от меня хотите?

Нина так измучилась, что не стала заискивать, сказала все как есть, резко и даже раздраженно:

— У меня трое детей полумертвых. Еды нет. Норму хлеба по крошкам делим. Сама с ног валюсь...

Павел Борисович скривил свое желтое восковое лицо и хотел что-то сказать назидательное, даже понимая вздохнул и развел руки, но Нина его перебила:

— Не надо. Я не слепая, все вижу и понимаю. Но я обязана спасти детей. Понимаете? Перед смертью Тамара меня заверила, что вы поможете с продуктами и эвакуацией. А я вам за это отдам брошь и браслет.

Нина видела, что он чего-то опасался и колебался. Рискнув, твердо добавила:

— Если вы об этом ничего не знаете, то извините. Видать, напутала Тамара в бреду. Прощайте.

— Пойдите, — шляпкой строчка сморщился его подбородок, — я что-то припоминаю. Давайте так договоримся. Сегодня у нас пятница, вы завтра вечером принесете и покажете..., что там у вас, — покашлял он нервно в кулак. — А в конце следующей недели мы встретимся..., обсудим, я должен убедиться, что...

— У меня дети обоим жуют и стены лижут, — опять перебила его Нина. — Если нет, то я сегодня все это обменяю на ведро капустных кочерыжек, — придумала она на ходу. — До следующей недели, я боюсь, мы не дотянем.

Павел Борисович зажевал фиолетовыми губами:

— Так, я сказал, успокойтесь. Через час зайду.

Он принес две пачки прессованного гороха и замотанный в вощеную бумагу кусок мороженого студня из потрохов и кишок.

— Сегодня в десять вечера я жду вас. Вот записка, покажете охране. И не опаздывайте.

Словно африканский гриф, он сгорбленно сидел за своим столом, уткнувшись крючком носа в большую лупу.

— Так-так-так... Четыре крупных, восемь маленьких, вот еще и полукруг... изумрудов, а в центре... да-да-да... с обратной стороны знак мастера..., — бурчал он себе под нос и аккуратно записывал в маленькую книжечку.

Отодвинув настольную лампу, Павел Борисович поднял в коричневых пятнах голу, блестящую, как запеченная в меду тыква, и посмотрел сквозь Нину:

— Ну, что же. Пожалуй, я свое слово сдержу. Давайте свои бумаги и метрики на детей.

Нина положила на стол конверт с документами.

— Так, теперь с продуктами. Чтобы здесь не мелькать, оставьте свой адрес. Пару раз в неделю постараюсь заходить. Пока только горох, кукурузная мука, немного яичного порошка и рыбий жир для детей.

Павел Борисович, нацепив на нос другие очки, хотел уже попрощаться, но внимательней оглядел просительницу. Помолчал немного и как бы нехотя продолжил:

— Муж-то на фронте? Где служит?

— Танкист. Последняя весточка была в октябре из Старой Руссы.

— Понятно, — пожевал губами Павел Борисович, — там немец сильно бил, живого мало чего оставил, — стал он уже откровенно пристально осматривать Нину.

— Сама-то до войны где работала?

— В типографии. Главным бухгалтером.

— Значит, образованная и считать умеешь.

— Умею.

— А лет-то сколько тебе?

— Тридцать два в марте исполнится, — заволновалась Нина.

— Так-так, — почесал он карандашом вялое ухо в синих прожилках.

— Вижу, не дура, — оскалился он по-дружески. — Если еще и расторопная, то возьму к себе на склад, так сказать, на постоянный усиленный паек. Ну как, пойдешь?

— Да. Конечно, пппп-ойду, — сразу ответила Нина, чуть не задохнувшись от такой неожиданной удачи.

— Тогда свободна, на сегодня все. В понедельник обговорим более обстоятельно.

«Вот и солнышко выглянуло в первую оттепель и отдаленно запахло весной. Теперь точно переживем проклятую зиму», — бежала в госпиталь оживленная Нина. Сегодня утром она не делила на граммы еду, а довольно неплохо покормила детей. Вовка даже удивился, когда мама сварила на день похлебку из целой банки перловой каши.

Возле склада Нина увидела военных в серых шинелях с малиновыми петлицами. Госпитальное хозяйственное начальство толпилось на ступеньках. Тот самый пожилой солдат из охраны курил табак у ворот.

— Простите, а что случилось? — спросила у него Нина.

— А тебе что за дело? — сдвинул он мохнатые брови.

— Проверка на складе, у Павла Борисовича?

— Иди, куда шла. На том свете черти его проверят, — сплюнул солдат на снег коричневой слюной.

Чуть позже Нина узнала, что в эту ночь в своем кабинете от инсульта скончался Павел Борисович. Ходили слухи и странные пересуды, что заведующего то ли задушили, то ли он сам застрелился при аресте. В его кабинете обнаружили неучтенные лекарства, продукты и трехлитровый алюминиевый бидон, под завязку набитый золотом. Все последующие дни Нина ничего не помнила, ходила в плотном тумане. Рухнула последняя надежда. А в конце недели у большого котла подкосились ноги, падая, она по локоть сильно обварила руку. В перевязочной наскоро наложили повязку и отпустили на больничный.

Вовка снова полез по крышам проверять птичьи ловушки. В бывшем католическом соборе появились военные. Голуби от шума и грохота сразу разлетелись. Свою сетку забрать не удалось, дырки в куполе наглухо заколотили. В разбитом помещении склада на Пряжке тоже не везло. Сетку сорвало ветром, и она, перекрученная, забилась снегом и висела, как замерзшая сопля. Кое-как распутав и растянув ловушку, Вовка слез с крыши. За разрушенной стенкой он спрятался от ветра и слизывал кровь с разорванной крючком ладошки.

Надо спешить домой, еще и дров где-то найти, а то стемнеет, и все, до утра в холоде дрожать, ладно, я привычный, а как Вальке с Танюхой, да и мама больная.

За поваленной стеной валялись разбитые ящики и прочий деревянный хлам. Но теперь тот угол замело снегом. «Ну, что здесь ковыряться? Или к Дровяному переулку сбегать? Нет, лучше к дому ближе, только надо немного согреться», — подумал Вовка, ускоряя шаг. Через минуту у него закружилась голова, и, огибая угол, он задел плечом кирпичное строение. Лежа в мягком сугробе, он так захотел спать, что закрыл глаза и мучительно сладко подумал: «Вот сейчас только немножко полежу и сразу домой», провалился он в тягучее, вспыхивающее желтыми искрами марево. В сознание Вовку вернула собака. Она тихо скулила и сухим шершавым языком лизала его закрытые глаза. Вовка очнулся, качнул головой и приподнялся на локоть. Страх быть сожранным собаками заставил часто забиться сердце и разогнал по замерзшему телу густую кровь. Собака отбежала в сторону и громко залаяла, окончательно рассеивая плотный туман забвения. Вовка вылез из сугроба и поплелся домой. По дороге недалеко от дома в арке одного из домов увидел замотанного в платок бородатого старика, отдохавшего на широких санках. Из санок торчала вязанка напиленных досок. Вовка прошел мимо, но, вспомнив недавнюю собаку, вернулся назад. Надо разбудить деда, пока не замерз.

— Дедушка, вставайте, — потряс Вовка его за плечо.

Старик склонился и окоченело ткнулся головой в снег. Санки с дровами, пока никто не видел, Вовка утащил к себе на этаж.

У мамы за занавеской сидела Степановна из прачечной. Она принесла полученный по карточке хлеб, баночку керосина, мазь от ожогов и делала перевязку. Вовка напился воды и подсел к печке. Расколов сухую доску, он посмотрел в детский угол. Валя спал, а Таня перебирала его рисунки.

— Таня, дай мне что-нибудь на растопку.

Таня подсела к Вовке и протянула листики.

— Смотри, что Валя рисует. Каждый день одно и то же.

— Рыба, что ли? А это круглое на мину похоже.

— Да, а вот мост и машина.

— А почему грузовик, перевернутый вверх колесами, по волнам плывет?

— Не знаю. Он хотел мне что-то рассказать, но не смог. Только мычал, шевелил руками, показывал на рисунки и тянул к окну. Потом устал, заплакал и уснул.

— Ладно, это ему приснилось плохое. Пусть отдохнет.

На третий день стало совсем худо. Мама не могла встать с постели. Рука распухла, поднялась температура, она тихо стонала, уткнувшись головой в стенку.

— Сынок, — позвала она утром Вовку, — я совсем расхворалась и не получила карточки на следующий месяц, ты сбегай на работу, попроси Степановну. Вы ели?

— Да, мам, хлебушек вчерашний.

Степановны в прачечной Вовка не нашел. Другие женщины были заняты работой и отправили его в хозслужбу госпиталя. Там в большой очереди Вовка простоял почти до вечера, но карточек не получил. Требовали мать или документы.

Нина, как услышала о документах, похолодела.

— Ой, сыночек, что же делать? Надо бежать на склад и спросить Павла Борисовича, заведующего. Документы у него, — в горячке порывалась мать встать с лежанки.

Утром, растопив печку перегородкой Танькиного чемодана, Вовка пошел на склад. Но так толком и не смог никому объяснить, какие документы он хочет получить от покойного Павла Борисовича. Охранявший склад солдат жалобно посмотрел на беспомощно мычащего Вовку и, чтобы хоть как-то успокоить, сунул ему в руку черный сухарь.

— Ты не видела у Вали отцовскую зажигалку? — спросил Вовка у Тани, когда пришел домой.

— Нет, не видела, — тихо ответила Таня, ковыряясь в своем чемодане.

В начале зимы Вовка таскал в прачечную простреленные бурые шинели. Потом перед стиркой, сидя на наваленной куче, срезал пуговицы, петлицы и нашивки. В одной из командирских шинелей в подкладке нашел блестящую коробочку, зажигалку с орлом и надписью «Zippo 1936» на крышечке. Пару дней Вовка хвастался и всем показывал свою находку. Управдом дядя Коля хотел заполучить такую ценность, предлагал взамен шоколадку и две банки сгущенки. Но Вовка отказался, а зажигалку подарил Вальке. Чтобы поддержать брата, Вовка придумал историю, что зажигалку ему привез раненый солдат с фронта, подарок от отца. И самое главное, отец передавал на словах: «Оставаться мужественными и сильными, защищать маму и обязательно его дожидаться». Валька так обрадовался, закивал головой: «Обязательно дождусь», — стал гладить и целовать металлическую коробочку, пахнущую керосином. С отцовским подарком Валька не расставался, хранил в нагрудном карманчике и даже спал с ней, зажав в кулачке.

Растолкав Вальку, Вовка начал спрашивать о зажигалке. Но Валя ничего не понимал, только мычал, плакал и показывал ручкой на окно. Вовка обыскал Вальку, но ничего не нашел, стал кричать на брата.

— Где папина зажигалка? Отдай ее мне! Я только гляну и сразу верну...

Но Валя хныкал и тянулся к окну.

— Ну, что ты там увидел? — измученный Вовка посадил Вальку на подоконник.

Валька, присев на коленки, тыкал пальчиком в стекло, указывая на мост, и издавал сухими с белым налетом губами непонятные урчащие звуки.

— Что ты хочешь, зараза? — психовал Вовка, дергая Вальку за воротник пальто. — Отдай зажигалку по-хорошему.

Не выдержав, Вовка взвыл и ладошкой смазал Вальке по скривленному, как у старичка, дрожащему личику, а потом схватил за тонкую воробьиную шейку. Валька захрипел и свалился с подоконника. В защиту Вальки, сжимая кулачки, на Вовку бросилась плачущая Танька. Вовка оттолкнул Таньку, и та полетела в угол через корзинку с рисунками, стукнувшись головой о стенку. За занавеской страшно закричала мать. В следующее мгновение все утихло. Дети опомнились. Так и замерли, раскиданные на полу, словно тряпичные куклы, только прерывисто дышали и размазывали по лицам слезы и сопли.

Валька на карачках тихо полез в свой уголок. Вовка подсел к брату и стал вытирать ему мокрое лицо тыльной стороной ладони.

— Валя, прости, — тихо повторял он. — Ну, прости ты меня, я ведь хотел...

Танька сидела под стенкой, поправляла платок, потирая ушибленный лоб.

— Вова! — вдруг громко крикнула она.

От ее резкого окрика Вовка вздрогнул и втянул голову в плечи.

— Вова, я все поняла, — кинулась Танька к братьям с одним из Валькиных рисунков. Вовка посмотрел на нее подозрительно.

— Что, башкой сильно треснулась? Не хотел я, Танюха, ты тоже прости.

— Да ннн-ет, все хорррошо, — от волнения Танька стала заикаться.

Таня уселась перед ними и повернулась к Вале, показывая ему рисунок.

— Валечка, это та машина, которая упала с нашего моста, — тыкала Танька пальчиком сначала в нарисованный корявый грузовик, а потом в окно.

Валя печально улыбнулся и кивнул головой. От перенапряжения он глубоко задышал, закатил глаза и повалился на бок, теряя сознание.

Вовка испуганно смотрел на глупо хихикающую Таньку.

Успокоившись и попив водички, Таня застегнула шубку, надела шапку и потянула Вовку на улицу.

Сначала Вовка ничего не понимал: при чем тут грузовая машина? Какая-то непонятная давнишняя авария? И основная неясность — это утонувшая рыба-селедка.

Таня отдышалась и на мосту начала подробно рассказывать.

— В начале сентября у меня день рождения.

— Ну, и что? Прямо событие, — начал раздражаться Вовка.

— Не перебивай, пожалуйста, Вова.

— Ладно, давай быстрее, мне еще на Пряжку надо сбегать.

— Ну вот, — продолжила Таня. Седьмого сентября 1940 года, в день моего рождения, ровно в семь часов вечера, на этом мосту я должна загадать желание. Так у нас с папой повелось. Ведь наше Семимостье — волшебное место в городе. Все желания обязательно сбываются. Моя бабушка еще рассказывала ...

— Не отвлекайся на бабушку, — буркнул Вовка.

— Ага. Не буду. Слушай дальше. В тот день мы с папой шли по Крюкову каналу от Фонтанки. Часы показывали без пятнадцати семь, я торопилась и нервничала, словно чувствовала, тянула папу за руку, боясь опоздать. На подходе мы увидели ограждение и милицию. Мост перекрыли и никого не пускали. У разрушенных перил стоял кран, кричали люди, пытались подцепить и вытащить из воды перевернутый грузовик. Я да-

же расплакалась. Папа меня успокоил и сказал, что ничего страшного, загадаем желание на следующий день рождения. Но на следующий уже шла война, и папа погиб...

— И зачем ты мне все это рассказала? — недоумевал Вовка.

— А вот зачем, — начала злиться Танька. — Вон на том углу, — указала она рукой в конец Крюкова канала, — в зеленом доме был рыбный магазин «Волна» — недалеко отсюда, помнишь?

— Ну, помню.

— Так вот. Машина, которая свалилась из моста, везла в магазин селедку в бочках, копченую рыбу в ящичках и все остальное, рыбное. Когда краном поднимали грузовик, разломалась будка, и все, что там было, посыпалось напрямик в воду. Мы вон там стояли с папой и все видели. Бочки и неразломанные ящики потом выловили, а остальное, наверное, так и осталось на дне...

— Что остальное? — заорал Вовка. — Вяленые лещи и развесная килька? Ты совсем дура!

— Сам дурак, — обиделась Танька. — А рыбный паштет в маленьких баночках, а селедка в таких больших круглых... может, еще что-то... крабовое мясо. В витринах такие высоченные пирамиды выкладывали, — подняла Танька руки вверх. — В большом окне так красиво горками стояли!

— Ты хочешь сказать, что сейчас вон там, на дне, валяются банки селедки?

— Ну да. Наверное. Ведь Валька тогда откуда знает? Авария прямо под вашими окнами случилось, он сам видел, как машину вылавливали, раз вспомнил и столько времени пытался нам объяснить. Банки эти, на мины похожие, рисовал. Пошли теперь к нему, расспросим спокойно.

Вовка задумался: «Черт, а ведь, может быть, и правда. Валька часто болел, гулять его не пускали. И он днями сидел закутанный на балконе».

— Давай так, — серьезно сказал Вовка, — я на Пряжку, ловушки гляну. А ты походи по дворам, дров поищи. Напой Вальку горячим и все разузнай.

Вовка шел по улице и думал о селедке: «Стоп, даже если там и осталось кое-что на дне, то как достать с глубины? Снег, лед, вода. Нет, дурная затея. Ничего не получится. Только растревожила зря, глупая».

В сетке слабо трепыхался голубь. Вовка сразу обо всем забыл и полез за добычей. Выпутав птицу, стал зубами рвать перья еще с теплого судорожного тела. В разломе стены увидел знакомую собаку. Отрезав ножом голову, лапы и крылья, швырнул вниз. Плохо ошипанную тушку опалил спичками и спрятал в карман. Вытащил из снега деревянный обломок, заспешил домой. Собака увязалась за ним, но, увидев на улице людей, скрылась в развалинах.

За занавеской тихо стонала мама. Вовка неподвижно лежал под шинелью, а Танька ломала валенком фанерные бока своего чемодана.

— Нет нигде дров. Я все обыскала. Потом взяла ключи и побежала на Фонтанку. А там, в нашей квартире... — Таня зарыдала.

Вовка помог маме выпить несколько глотков воды, глянул на Вальку, успокоил Таньку, разжег печку и принялся варить голубя.

Ночью они лежали рядом и тихо шептались.

— Вова, а я знаю, как зимой рыбу ловить. Я видела из нашего окна на Фонтанке.

— Ладно, молчи уж, видела она, — отвечал Вовка. — Ничего не получится. Там снег больше метра и толщина льда о-го-го. Морозы какие трещали!

— А мы потихонечку все расчистим и дырочку проковыряем.

— А дальше что? Тебя за веревку привязать и водолазом на дно опустить? Так, что ли?

— Не знаю, Вова. Я плохо плаваю, меня папа только учить начал.
 — Все, спи. Пока зима, ничего не получится.
 — Вова, я рыбки хочу, я раньше селедку не любила. А теперь очень люблю. Давай рыбки наловим, может, крючком.

— Спи, я сказал, крючком вязать будешь.

— Не могу я спать, я рыбку хочу, хотя бы хвостик. Маленький-премаленький.

Вовка отвернулся и натянул одеяло на голову.

— Карасики, карасики, любимые мои карасики, золотыми хвостиками все машут и машут., — тихонько напевала Танька придуманную песенку, когда утром Вовка открыл глаза.

Мама сидела на полу и пыталась надеть пальто. Замотанная рука не лезла в рукав. Закусив до синевы дрожащую губу, она мучилась, но ничего не получалось.

— Сынок, мне надо на работу сходить, карточки получить.

— Хорошо, мама, я с тобой. Только печку растоплю и за водой сбегаю.

Когда Вовка прибежал с ведром воды, мама без сознания лежала возле топчана с наполовину надетым пальто.

— Таня, смотри за печкой, как закипит в котелке, дай остыть и напои Вальку с мамой, а я в прачечную сбегаю.

На полдороге Вовка встретил Степановну.

— Я к вам, Вова, хлебушка несу. Завтра к маме обещались прийти из службы, карточки выписать. Вот и с фельдшером из хирургии получилось договориться, к вечеру должен подойти.

Проводив до квартиры Степановну, Вовка побежал к ловушкам. На Банном мосту встретил старших прыжкинских пацанов. Они с палками и кусками труб шли на Галерный остров бить собак.

— Айда с нами в загон, — предложил Вовке Витька Шилов, местный бандюк. Он когда разговаривал, щурился и подергивал головою и постоянно сплевывал зеленую харкотину.

— Нам как раз не хватает мелкого, чтобы по всем щелям прошуршал.

Даже среди своих Шилов слыл психом и гадом. Его давно выгнали из школы за издевательство над младшими и воровство. С такими же он сколотил шайку и промышлял на Коломне мелкими кражами и грабежами пьяных. Говорили, что даже мать его боялась и все ждала, когда он отправится в тюрьму к родному отцу. А когда началась война, то ребята из школы рассказывали, что его кодла занимается чем-то уж совсем нехорошим. Но чем именно, не знали или боялись говорить.

Вовка промышлял что-то невразумительное и сразу же юркнул в арку ближайшего дома. В ловушках было пусто. Только в одном из ангаров увидел несколько ворон, но без рогатки не достать. Возвращаясь домой, заметил Таньку. Танька вся в снегу лезла по сугробам канала, таща за собой большую лопату.

Вовка прыгнул с набережной и, утопая по колено, полез к Таньке.

— Вова, прости, мы с Валецкой твой сахар слизали, а хлебушек вот, — достала она из кармана со всех сторон обкусанный кусочек.

— Лопату где взяла?

— В кладовке, за корытом.

— Все, пошли домой, — взял Вовка лопату.

— Я не пойду, — опустила голову Таня.

— Ну, и торчи здесь, как дура, хоть целую ночь. Собак приманивай. Они сейчас голодные и злые, сожрут и не подавятся.

Танька поправила шапку, но осталась сидеть в сугробе.

— Не пугай. Я не боюсь собак, у нас пудель четыре года жил. И ладно, подумаешь, лопату он забрал, — крикнула она Вовке в спину, — я руками норку выкопаю.

Вовка остановился. Вот зараза упертая, ведь точно замерзнет, ищи ее потом ночью, спасай, — а вслух сказал:

— Таня, давай так. Согреемся, отдохнем, а завтра у Вальки узнаем точное место. Я кое-что интересное придумал.

— Ой, Вова, а что ты придумал? — повелась Танька.

— Шагом марш домой, там расскажу.

В отблесках печки они сидели на полу и сёрбали теплую водичку с размоченным хлебушком. В дверь постучали.

Степановна привела усатого фельдшера в больших очках с толстыми стеклами и железным чемоданчиком с красным крестиком. Фельдшер потоптался на пороге, стряхивая снег, и спросил о больной. Вовка зажег керосиновую лампу и передал за занавеску.

Мама так кричала, что Валька с Таней спрятались под шинель, когда ей сдирали всохшие бинты в оголенную плоть загнившей руки.

— Срочно в госпиталь, — прикрикнул фельдшер, топорща усы, — надо резать... — Хотя нет, куда тут дергаться. Не выдюжит, слишком слаба.

— Как же так, — запричитала Степановна, — посодействуй, мил человек, ты же знаешь, я в долгу не останусь.

— Да знаю я, Степановна, но ты же видишь, доходит она, пару дней осталось, если заражение не пошло. А начнут руку резать...

— Давай попробуем в больничку, хотя бы не при детях отойдет страдальца, мать все же...

— Ладно, завтра с утра жду, тащите свою горемычную.

Степановна аккуратно промокнула гноящуюся рану, перевязала руку смоченной чистой тканью и осталась ночевать возле мамы. Вовка стал ладить краденые широкие санки.

Еще затемно, кое-как одев маму, они спустились на улицу, там уложив в санки, потащили к госпиталю. По дороге помогли два солдата. Сдав маму фельдшеру, Степановна ушла в прачечную, а Вовка с Таней потащились домой.

Таня еле шла, ноги скользили и заплетались. Несколько раз упала, если бы не Вовка, так бы и осталась лежать.

— Вова, а мы пойдем селедку ловить?

— Пойдем, обязательно пойдем. Только надо отдохнуть и что-нибудь пожевать, а то сил совсем нет.

— Да, Вова, а что пожевать? Голова кружится, давай немножко посидим.

Чего пожевать, Вовка не знал.

— Некогда расслаживаться, дома Валька один, проснется, испугается и будет плакать. Ты садись в санки, так быстрее доедем.

Дома Вовка уложил Таньку под шинель к Вальке, а сам побежал обратно в хозчасть за карточками.

В приемной, громко назвав фамилию, Вовка рассказал, что мама тут в госпитале на операции, фельдшер такой с усами, может подтвердить.

Главная тетя в лисьей шапке с острым в красных пятнах лицом, полистав журналы, сказала, что на эту фамилию все выдано. Хлебные карточки на месяц получила доверенное лицо, старшая швейно-прачечного блока. Вот приписка.

— Степановна? То есть Кулешова, тетя Маша, — обрадовался Вовка.

— Нет. Некая Туманова, швея. Вот ее подпись. Даша, — крикнула главная в другую комнату, — ты на Виноградовых карточки выдавала?

— На каких именно? — Вышла из комнаты коротко стриженная светлая девушка в распахнутом полушубке с комсомольским значком на груди.

— На Нину Николаевну, Грибоедова, сто тридцать один.

— Нет, но я в курсе, что Виноградова болеет. Просили прийти на дом, но потом увидела учетную запись.

— Ладно, мальчик, мы сейчас еще раз проверим, а ты пока сходи в швейную мастерскую, спроси Туманову Жанну, наверное, она забыла передать.

Но Туманова не появлялась на работе несколько дней. Где она проживает, точно никто не знал. Сказали, что где-то на Васильевском острове. Вовка снова побежал в хозяйственную часть. Там служащие пошептались и пообещали разобраться. Вовка вышел из кабинета и в коридоре под стенкой сел на пол.

— Мальчик, я все сказала, иди домой, — выглянула из кабинета пятнистая тетя в шапке.

Вовка поднял голову и тихо сказал:

— Я боюсь. Там Валя... Что я потом маме скажу.

— На держи и отнеси своей сестренке Вале, — наклонилась к нему комсомолка и сунула в руку бумажку с вареной картошкой и двумя слепленными желтым жиром кусками хлеба.

Вовка зашевелился, начал приподниматься, опираясь о стенку.

— Валя — это брат, а девочка Таня, — непонятно зачем уточнил Вовка.

— Ой, а ты совсем плохой, — сказала тетя в шапке, — пойдем хоть чаем напою.

К кипятку с размешанной ложкой сухого молока Вовка получил сухарь и два кусочка сахара.

На следующий день, узнав точный адрес швеи Тумановой, Вовка вместе со Степановной пошли к ней домой. На Пятой линии в незапертой квартире на полу увидели скрюченную мертвую старуху и холодного младенца в кроватке. Швея так больше нигде не появилась, пропала без вести.

— Это я во всем виноватая, — корила себя Степановна. Много лишнего о вас болтала, что Нина плохая и вы доходяги, еле-еле душа в теле... Вот Жанка и... решила хотя бы своих спасти, но, видать, не судьба... сама где-то по дороге сгинула и дочку с матерью за собой утащила.

Вовка не слушал, всю дорогу зыркал по сторонам и думал о прирученной собаке на пражкиных развалинах.

— Пока мама болеет, я с вами поживу, — продолжала Степановна. — После ночной соберусь и переедем скоренько, двумя санками. Ты приходи завтра с утра, дров побольше захватим. Может, и протянем с божьей помощью на мои карточки. Мне капустных кочерыжек и засоленной ботвы в столовке обещали. Да и зиме скоро конец, а с теплом и жить легче.

Танька ходила по протоптанной дорожке по краю моста, внимательно осматривала, протирая рукавом перила. В одном месте залезла на ограждение, перегнулась, глядя под опору моста. Если бы пожилой прохожий в треснутых очках не одернул ее за воротник, так бы и ухнула вниз.

Вовка подрос, когда прохожий, похожий на учителя музыки, вяло отчитывал Таньку за опасные игры на мосту.

— Вова, вот это место, — зашептала ему Танька, когда отделился прохожий, — смотри, видишь, решетки заборчика другой краской покрашены, хорошо видно, если приглядеться. Значит, ремонтировали, точно здесь машина свалилась. А вот отсюда ее поднимали, — вытянутой рукой Танька изобразила стрелу крана, — машина еще качнулась и стукнулась о камень набережной, вон царапина, я точно помню, — наклони-

лась Танька, тыча варежкой под опору. — А потом с разломанной будки вода хлынула, и все смыло в канал.

Вовка посмотрел вниз и увидел, что снега там особо не было. Ветер завихрениями намет с боков сугробы, огибая выступ опоры.

— Значит так, я сейчас гляну Вальку, притащу топор, а ты побегай тут рядышком, дровишек поищи.

Когда Вовка крошил в кружку последний кусок хлеба, взятый у Степановны, прибежала запыханная Танька.

— Вова, ты посмотри, что мне солдатики дали, — полезла Танька в карманы шубки и достала краюшку хлеба, золотистую луковицу и сморщенную, свеженадкушенную мерзлую репку.

— Это репка, мне сказали, из сказки: тянут-потянут Жучка, а за ней внучка... репку надо кусочками нарезать и все вместе сварить. Потом лук на сладкие дольки разделить и бульоном запивать, так вкусно будет, — зажмурилась Танька, радуясь своей добыче. Пока готовили еду и делили поровну вареные кусочки, быстро стемнело.

Утром, стараясь не разбудить детей, Вовка побежал в службу выдачи. Но там никого не было, всех послали на разбор завала дальнего корпуса. В прачечной узнал худые новости. Ночью померла Степановна. Упала на бетонный пол возле парящих котлов. Остановилось надорванное сердце.

Вовка долго лазил по развалинам, высматривая знакомую собаку. Больше надеяться было не на что. Мама после операции не приходила в сознание. Утеранные непонятно по чьей вине карточки восстановлению не подлежали. Ловушки смерзлись и оборвались с боков, так и висели непригодные, треплемые ветром. Чинить, искать новые места и перетягивать сетки у Вовки не было ни сил, ни желания. В одном из заброшенных амбаров он увидел, как от дохлой вороны отбежала крыса. Вовка поднял высохший пучок перьев и отломил голову. Из тушки посыпалась труха. Сунув воронью голову в карман, Вовка пошел дальше. Он даже не заметил, откуда появилась та собака. Присев на обломок кирпичной стены, вытащил клюв с перьями и протянул собаке. Та приблизилась, понюхала, но грызть не стала, только печально посмотрела в глаза Вовке и улеглась у его ног. Вовка наклонился, погладил ее за ухом, достав из кармана молоток.

Добычу у Вовки отобрали Витька Шило с двумя старшими пацанами. Не сказав ни слова, просто толкнули в снег. Один из них наступил Вовке на грудь, а Шило протряс сумку, забрав нож и спички. Схватив собаку за хвост, уволок в подворотню.

Ни слез, ни обиды, ни даже злости у Вовки не возникло. Все плыло, как в замедленной съемке немного кино. Отчаяние и безразличие ко всему происходящему. Даже не отряхивая забившийся за шиворот и в валенки снег, он побрел, не разбирая дороги. Очнулся на своем мосту, глядя на темные окна своего жилья.

Окончательно разломав свой чемодан и отобрав ненужные карандаши, возле дымящей печки, растапливая снег в котелке, хозяйничала Танька. Ей опять удалось принести домой немного хлеба и сахара. Проходившие в штаб на Фонтанку небольшие группы солдат и матросов жалели странную девочку в облезлой кроличьей шубке, лазающей внизу по замерзшему каналу.

— Вова, мы сейчас сладкого хлебного супчика поедим и пойдем на рыбалку. Я там почти все расчистила, осталось только дырочку во льду проковырять.

Вовка безразлично кивнул и завалился на свой тощий матрас с выдерганной на растопку ватой. Разбудила его Танька и дала в руку половину горячей кружки мутной водички. Сделав глоток, Вовка услышал, как Танька беседовала с Валей.

— Ты, Валечка, подожди и пока не умирай, — строго свела она жиденькие бровки, — мы с Вовой за рыбкой ходим. Так что надо подождать, а то принесем рыбку, а кто ку-

шать будет? Помнишь, как в сказке: «Ловись, рыбка, большая и маленькая». Вот мы и наловим большой и маленькой, тебе какую? Лучше маленькую, ты же сам маленький, — приговаривала Танька, сунув ложку с хлебной кашцей Вале в рот.

— Бу-бууу-бо-бо..., — мычал Валька, хватая зубами ложку.

— Ну, конечно, большую. Самую большую-пребольшую, как сом. С таким огромным ртом и длинными усами, — Танька, как могла, широко распахнула свой маленький роток, выкатила глаза и показала пустой ложкой длинные закрученные усы.

Валя хихикнул и пустил по подбородку серую кашицу.

Вовка уже ни во что не верил и ничего не хотел. Только одного: крепко заснуть и не просыпаться до тех пор, когда не кончится кошмар постоянного страшного голода. Хотя и в кратковременном бессознательном состоянии сновидений дико хотелось есть и снилась только еда. В особенности каша. Гора парящей желтомасленной каши с жареным луком и мясом, в которую Вовка прыгал и, медленно погружаясь, набивал руками рот и все ел и ел. Часто просыпался оттого, что во сне рвал клочки ваты из матраца и пихал в рот.

Но глядя, как непонятно с чего оживал почти умерший Валька, Вовка словно прозрел: надо идти долбить лед. Пока у Таньки и Вальки теплится несбыточная надежда на, скорее всего, придуманные банки селедки на дне канала, то еще немножко протянут. А если и умрут, то хоть в надежде, а не в безнадежных мучениях.

Пока Танька докармливала Вальку, Вовка нашел самое плохое ведро, отбил дно, с боков наткал гвоздем дырок и обмотал двойной сеткой. За дужку привязал кусок ржавой цепи. Получилось подобие сачка, только без палки. Взяв в руку топор, показал Таньке и Вальке ловушку и пошел на улицу.

До ночи при свете луны они ковыряли плотный лед. Вовка стоял на коленях и наискось рубил топором. Пока отдыхал, Танька отгребала в сторону ледяное крошево. Изогнутую лунку углубили сантиметров на тридцать.

— Завтра с утра добьем, выдохся я, Танюха.

Таня вычистила углубление, отряхнулась и серьезно сказала:

— Да, Вова, надо отдохнуть и просушиться. У тебя спички есть? А то я сегодня последние из коробки пожгла.

Вовка вспомнил о собаке, ноже и спичках: вернулась обида и зажала сердце горячими клещами злобы. Скрипнув зубами, хрипло ответил:

— Пойдем домой, посмотрим, может, уголек в печке найдем.

Печка чуть теплилась. Порвав Танькину книжку, Вовка раздул огонь. Последняя табуретка, заменяющая им стол, и ножки от маминого топчана-лежанки тлели до появления в занавешенном окне полоски серого света.

Поднявшись, Вовка еще раз оглядел квартиру, ища что-нибудь способное гореть. Остались только безногий мамин топчан и Танькин альбом с фотографиями без титульных обложек. Мамину лежанку трогать ни в коем случае нельзя. Искать дрова по улицам не хватало сил, да и ближайшие окрестности Вовка излазил вдоль и поперек. Он вышел на лестницу и поднялся наверх. Чтобы попасть на чердак, где можно найти плохо прикрепленные доски и разный деревянный хлам, надо сорвать амбарный замок с маленькой железной чердачной двери. Вовка несколько раз примерялся, но пока не решался.

— Попробовать сбить замок, когда все убегут в бомбоубежище, все равно при налетах сидим дома и не таскаем Вальку по тревоге, — вздохнул Вовка и вышел на улицу.

Окна на первом этаже заколотили толстыми щитами. Вовка попробовал оторвать, но не хватило сил. Он забрался на обледелую кучу, наметенную под стеной, стал на колени и заглянул в слуховое полукруглое окно, наполовину засыпанное снегом. Что

находилось по ту сторону, Вовка не знал. До войны там обитал дворник, но выход с улицы заложили кирпичом. Решившись, Вовка стукнул молотком в стекло форточки, выбрал осколки и по раме юркнул вниз. Путаясь в пыльных занавесках, свалился на стол. В чужом жилище было темно и пахло плесенью. Вовка на ощупь прошелся по заставленной комнате и уперся в стену. По стенке он спустился на несколько ступенек вниз и вышел в узкий коридорчик к двери. Возле двери стояли шкафчик и вешалка с одеждой. В темноте послышались шорохи. Вовка замер, прижимая молоток к груди. В панике стал шарить рукой и толкать дверь. Нажав на выступ, щелкнул замок, и Вовка вывалился в какой-то закуток, забитый мебелью. Схватив в руки первое, что попало, полез по узкому проходу, в конце толкнул дверь и оказался в пустом заброшенном полуподвальном помещении угловой пристройки второго крыла дома.

Уже дома возле печки Вовка рассмотрел красивый резной стул с тремя изогнутыми темно-красными ножками, львиными лапами и круглым кожаным сиденьем, обитым золотыми гвоздиками.

От треска проснулся и заворочался под шинелью Валька, Таньки рядом не было. Вовка подкинул в печку и выглянул в окно. Танька стояла на коленях на льду и ковыряла штырем вчерашнюю лунку.

— Эй, ребята, вода на той стороне, за серым домом, во дворе — рабочая колонка, — кричали на мосту люди, видя, как дети непонятно зачем рубят лед.

Вовка сначала отмахивался, а потом и вовсе перестал обращать внимание на советы прохожих.

К вечеру на мосту появилось десяток солдат наряда, идущих в сторону Фонтанки.

— Ты смотри, какие упертые, второй день долбят, — остановился один из солдат, показывая рукой вниз.

— Чего хотят, непонятно, — удивился совсем юный парень в длинной шинели с обмерзшим низом.

— Может, вода нужна, вон и ведро стоит, токо дырявое.

— Какая вода, рядом колонка, вон бабы санками таскают.

— Тогда чего?

— Спроси.

— Эй, хлопец, вы чего тут делаете?

Вовка поднял голову, посмотрел вверх, ничего не ответив.

— Ты смотри, молчит.

— Может, рыбу ловить хочет, — сказал смуглый раскосый солдат, пожимая плечами. Другие нестройно хмыкнули.

— Какая тут рыба? Совсем, что ли.., — пожурил его солдат постарше. — Тут и летом ерша не поймает. Эт надо к заливу или к Неве... ближе к Биржевому...

— Да откуда ему знать? Он, кроме лошадей в степях, ничего не видел, — заступился кто-то из отряда за неместного солдата.

В подтверждение со льда слабо крикнула Танька:

— Мы рыбку поймать хотим. Тут много-много рыбки, только на самом дне.

— Ох, ты боже мой, — вздохнул седой командир в коротком полушубке, — совсем детки с голодухи умом тронулись.

— Тряхните карманы, ребята, может, у кого завалился сухарь, хоть как-то мальчикам перебиться.

Пара солдат сняли вещмешки. Несколько сухарей, серый кусочек сахара и запеченную в костре обугленную картофелину дали раскосому солдату.

— Спустись к ним и помоги выбраться, — сказал командир и с досады ругнулся.

Солдат прыгнул с набережной и пошел к детям.

— Ну, ты... остывай, давай наверх, — сунул он Таньке в заледенелую варежку армейский гостинец.

— Ой, спасибочки, — заулыбалась Танька, держа сухари и картошину на вытянутых руках. — Вова, смотри, что нам дали.

Вовка безумно глянул на солдата и от усталости завалился на бок, не выпуская топор из рук.

— Ты чего это, устала? Вот на выпей чай, — сунул он Вовке под нос отвинченную фляжку.

Вовка сделал несколько глотков холодного, сладковато-терпкого чая и просипел:

— А Тане можно?

— Девачке? — переспросил, улыбаясь, солдат. — Можна-можна, — передал фляжку Таньке.

— Скажи, зачем лед ломаешь? Да еще так? Не круг, а подковой?

Танька открыла рот, чтобы все рассказать, но Вовка ее перебил:

— Иди домой, Вальку покорми. Только так не давай, подавится. Все размочи и подогрей немножко.

Танька недовольно пробурчала:

— Да знаю я, — и, рассовав сухари по карманам, полезла на сугроб набережной.

— Что, правда рыбу поймать хочешь? Дырявым ведром? — неуверенно спросил солдат. — Я сам-то не ловил, нет рыба в степи.

— Да, рыбу, — серьезно ответил Вовка.

— Ну, тады давай порублю, — сунул солдат винтовку в снег и взял в руку топор.

Через двадцать минут он скинул шинель, а еще через некоторое время с одного края хлынула черная мутная вода. Прорубив изогнутую лунку шириной сантиметров сорок, полукругом около двух метров, солдат оделся, похлопал Вовку по плечу и, смеясь, сказал: «Рыба хорошо, а конина лучше».

Когда Вовка выбрал куски льда, стало совсем темно. Закинув и протянув по дну, он еле вытащил ведро, набитое липким илом. На третий раз нижняя сетка оборвалась, и ловушка стала бесполезной.

«Лишь бы к утру сильно не замерзло», — полез Вовка на сугроб, таща за собой цепь с ведром.

Утром, починив снасть, попив холодной воды (печка окончательно затухла), шатаясь от голода, Вовка снова поплелся на лед. Через пару часов с обледенелыми рукавами и валенками он в очередной раз вытряхивал из ведра черный ил и разный мусор. Танька ходила вокруг кучек грязи и ковырялась палочкой.

— Ну, и где твоя селедка? — не выдержал Вовка.

— Не знаю, Вова, — виновато отвечала Танька, — может, глубже.

— Куда? — скривился Вовка. — Прыгнуть мне туда с лопатой и покопаться глубже, так, что ли? — злобно хрипел Вовка.

Танька замолчала и отошла немного подальше.

— Так елозить без толку. И упора нет, и дно прошупать не получается, даже если что-то там и есть, то так не подцепить и тем более не поднять, — присел Вовка на колени, вглядываясь в темную ледяную муть.

Его мысли прервал дурной возглас. Вовка и не заметил, как к ним подошел Витька Шилов. Его дружки стояли на мосту и смотрели сверху.

— Ты че здесь трешься? — спросил Шилов, пнув грязное ведро.

Вовка встал и, насупившись, сжал мокрые красные кулаки.

— Оглох, что ли, тебя спрашиваю? — повторил Шилов, кривя рот.

Вовка молчал.

Шило приблизился и взял Вовку за воротник ватника.

— Ну?

От него шел кислый сивушный дух.

— Мы тут рыбку ловим, — сказала испуганная Танька.

На мосту громко заржали.

— А ты кто такая? — повернулся Шило к Таньке.

— А, ну иди сюда, детка, — поманил он ее скрюченным пальцем.

— Не трожь, — хрипло сказал Вовка и посмотрел на притрушенный снегом топор. — Это моя сестра.

— Ты гляди, какая сестренка тут у нас нарисовалась, — растянул Шило в улыбке мокрые губы, — иди ко мне, моя хорошая, — заржал он, дергая головой.

— Кушать небось хочешь? — схватил он Таньку за плечи и немного приподнял.

— Пойдем с нами, я тебе шоколадку дам. А где папа и мама?

— Умерли, — пискнула Танька, пытаясь вырваться.

— Тогда забираю с собой, а потом, может, и братика, — оскалился Шило.

— Ну, что потянет? — подняв голову, крикнул своим друзьям.

— Давай пакуй, там посмотрим. Сгодится. Собачатина совсем надоела, — закричали вразнобой пьяные голоса.

Вовка поднял топор и обухом стукнул Витьку в спину.

На мосту засвистели.

Шило выпустил Таньку, упал и от удивления выпучил налитые кровью глаза.

— Ты че, с..., совсем рехнулся? На кого тянешь? Сейчас придушу и утоплю, как щенка, — оттолкнув Таньку, Шило поднялся и рванул на Вовку, доставая из кармана заточку.

Тут же поскользнулся на кучке ила и растянулся возле проруби, съехав одной ногой в воду.

Дружки заржали, тыкая пальцами с моста. Вовка быстро схватил Таньку и отбежал на другую сторону канала.

Шило снял намокший валенок, вылил воду и, страшно ругаясь, полез наверх.

Уже возле дружков он повернулся и крикнул:

— Все, падла, тебе кранты. Поймаю — придушу и деву не пожалею.

Злобный и мстительный Шило был старше Вовки года на три, он раньше учился в той же школе и знал, что Вовка живет где-то поблизости. Так что его угрозы были реальны и выполнимы.

— Вова, как же теперь, ведь он меня украдет, — испуганно тараторила Танька, ища защиту, прижималась к Вовке.

— Не украдет, — успокаивал Вовка, — он, гад пьяный, ничего не вспомнит.

— А как же рыбку ловить? Увидит нас с моста и опять приставать начнет.

— Ладно, разберемся, — обнадеживающе сказал Вовка, — теперь от меня ни на шаг. Даже в уборную с разрешения. Поняла? А теперь домой, греться.

Вовка размышлял о другом: как переделать сак, чтобы тщательней обследовать дно. Для этого требовались длинная палка и железный обруч. «Где найти такую деревяху?» — думал Вовка, поднимаясь по ступенькам. Печка затухла, а под шинелью привычно не зашевелился Валька.

— Вова, Валя совсем холодный, — испуганно крикнула Танька, — а ты куда?

— Спит?

— Не знаю.

— Укрой его сверху моим и маминым одеялом. Я скоро.

Вовка вспомнил, что недавно, влезая в окно, он сорвал занавеску с карниза. Постояв у стены, увидел, что форточку заколотили куском кровельной жести.

«Придется лезть через подвал, лишь бы дверь осталась открытой». Вскоре он за- тащил домой палку карниза с намотанной занавеской и красивый стул с мягкой спин- кой и резными ножками.

Сделав новый сачок, Вовка позвал Таньку.

— Тань, слушай внимательно. Я к мосту, а ты стой возле дома и проси спички. Если увидишь тех гадов, сразу убегай и прячься. Поняла?

— Да, Вова. А долго мне там стоять?

— Пока десять спичек не выпросишь. Если что, кричи, я рядом.

К ночи Вовка совсем выдохся. Появилось несколько куч ила с разных сторон лун- ки. Не хватало сил доставать со дна набитый илом сачок. Два раза прибежала Танька, грустно докладывала, что спичек не дают, а Валька так и не шевелится, лежит вытяну- тый, как засохший червячок.

— Дышит? — кусал Вовка губы.

— Не знаю, я боялась и кричала ему от дверей. Пошли посмотрим, там темно и страшно.

Вовка от отчаяния и вспыхнувшей злости затопал тяжелыми промокшими валенка- ми и с руганью прогнал Таньку. Еле вытащив сачок, вывалил в сторону грязь. Руками стал лазить в липкой куче. Горлышки битых бутылок, мотки проволоки, огрызки ре- зиновых шин, гнутые скобы, руль от детского велосипеда и другой мусор вылавливал Вовка со дна канала, но банки с драгоценной рыбой так и не попались. Если и были, то, наверное, в другом месте или хоронились значительно глубже, под толстым слоем ила, нанесенным течением.

В глазах от усталости и безнадёги засверкали желтые искорки, Вовка упал на спину и, крича в темноту неба, зарыдал в голос. Ему захотелось покончить с этой проклятой рыбалкой, он подлез к проруби, собираясь нырнуть на самое дно и уже там как следу- ет все проверить и окончательно убедиться, что никакой баночной рыбы не существу- ет. Схватившись за кромку льда, он в бессознании сунул лицо в обжигающую воду. И тут в глазах мигнула яркая вспышка, и, как наяву, Вовка увидел деда Игната, расска- зывающего Вовке о древнем способе битья щук самодельной острогой. Кованую остро- гу с длинной ручкой дед нахваливал Вовке, потом обмотал тряпкой и спрятал в угло- вой щели своего сарая.

Вовка дернулся назад и, задыхаясь, вырвал голову из черной стылой дыры. Тут же в его задубевшем теле, от груди вниз, волнами пошел горячий поток прилива сил. Что с ним случилось, он так и не понял. В кромешной тьме полуразрушенного сарая без дверей и крыши, занесенного снегом, Вовка греб в углах, шаря ободранными в кровь руками в щелях между кирпичей. Уже в начавшейся панической горячке онемевшими пальцами он схватил мерзлую тряпку и со стоном вырвал из стены забытую острогу.

Как вернулся назад, Вовка не заметил, очнулся, услышав в темени моста Танькин плач.

— Ой, Вова, это ты... — прыгала вокруг, старалась обнять Танька покрытого коркой льда шумно дышащего Вовку.

— Я испугалась, что ты нас бросил, а потом подумала, что утонул. Как хорошо, что ты нашелся. Я так замерзла, пойдем домой, Вова, надо Валю разбудить.

Вовка, выдыхая, отрывисто повторял:

— Сейчас, сейчас, сейчас...

Утопав вокруг лунки куски хрустящего льда, Вовка твердо стал у края проруби и чуть наискось со всей, что осталась, силы вонзил стальные заостренные вилы в по- дернутую ледком трещину замерзшего канала. Острога полностью ушла глубоко под воду и, пробив мягкий грунт, уткнулась в твердое дно. Послышался слабый хруст. Вов-

ка упав на колени, выпустил из рук древко, стал шарить в воде, пытаясь нащупать конец. Схватившись двумя руками и выпучив глаза, он потянул острогу на себя. Сначала она даже не пошевелилась, словно скользкая деревяшка ручки под водой превратилась в живое дерево, пустившее из концов заостренной стали глубоко в грунт железные корни.

— Таня-я-я, Валя-я-я, а-а-а! — хрипел Вовка, вытаскивая отяжелевшую острогу из воды.

Подо льдом пошло бурление, и Вовка из последних сил выволок на снег что-то тяжелое, круглое, насквозь пробитое торчащими снизу зазубринами вил.

Ощупывая в темноте руками, счищая липкую грязь, Вовка, срываясь на плач, крикнул:

— Танька, что это? Я ничего не вижу.

И тут через вонь тины и перегнивших водорослей в холодном воздухе Вовка уловил густой сладковато-пряный запах рыбного магазина.

— Танька! — кричал Вовка. — Ты где?

— Я здесь, Вова, мне страшно. Что ты там поймал?

— Иди сюда! — нервно, во всю глотку хрипел Вовка.

Танька плюхнулась рядом и протянула к темному предмету дрожащие ручки.

— Вот, вот, вот... — задыхаясь, повторял Вовка, глядя ладошками края банки. — Осторожно, тут острые зубья! — крикнул Вовка, отбивая Танькину руку.

— Какие зубы? — заплакала испуганная, ничего не понимающая Танька. — Пошли домой, Вова!..

Очистив липкий ил и обмыв в проруби банку, Вовка, как ни старался, не мог снять насаженные вилы. Рыбным рассолом пахли его руки, и Вовка, облизывая свои онемевшие пальцы, совал их Таньке в лицо.

— Вот, Танька, чуешь рыбу, мы поймали...

Танька перестала плакать, хватала Вовкины пальцы, стала их целовать и лизать.

— Стой, погоди. Мизинец откусишь. Сейчас я открою. Таня, где топор? — ощупывал он возле себя подмерзшие кучки грязи. — Таня!

— Я не знаю... ничего не видно...

В отчаянии Вовка приподнял острогу и впился зубами в край банки.

— А-а-а, — заорал Вовка, теряя последние силы. — Скальпель... забытый скальпель, который стянул в госпитале и спрятал в галошу.

Скинув валенок, сплевывая смерзшиеся куски грязи, стал зубами срывать примерзшую галошу. На лед глухо упала тонкая полоска заточенного металла.

Зажав скальпель в кулаке, Вовка воткнул острие в бок банки и вырезал в металле дырку. Отогнув жезл, запустил пальцы и за голову вытащил скользкую холодную рыбку. Обессиленно завалившись на бок, он, ничего не слыша и не видя, рвал зубами и не жуя глотал жирные куски сельди. За мгновение осталась одна голова. Пожевав ее, Вовка выплюнул в руку и сунул в карман.

Танька в сторонке сжалась в комочек, со страхом слушала стоны, рычание и скрежет зубов. Когда Вовка затих, она осторожно спросила:

— Вова, а там осталась рыбка?

Вовка перевалился на другой бок и достал еще одну селедку. Откусив голову, протянул Таньке половинку скользкой тушки.

— На, Танюха, жуй, только не спеши, не подавись и косточки плюй!

Пока Танька, хихикая, жевала селедку, повторяя: «Какая сладкая!», Вовка надел валенок и поднял острогу с нанизанной банкой.

— Пошли, Таня, домой, Вальку порадуем, — сказал тихо, боясь вырубиться на ходу от усталости.

Когда они с трудом забрались на набережную, в темном небе зажглась единственная звезда. Они не знали, что час назад закончился последний календарный день зимы 1942 года.

Темная комната дохнула холодом. Вовка на ощупь подлез к стенке и стал потихоньку тормозить горку одеял, под которой лежал Валька.

— Валя, слышь, братуха, какой же ты молодец, представляешь, мы на твоём нарисованном месте поймали рыбу. Целую банку. Вот такую, — развел Вовка руки.

Валя никак не реагировал на слова брата. В темноте Вовка не видел его лица и не слышал дыхания. Скинув одеяла и шинель, расстегнул Вальке пальто и прижал ухо к тощей грудке. Ничего не расслышав, схватил за воротник и начал трясти.

— Валя! Валя! Валя! Просыпайся! — сипел Вовка.

— Он замерз, надо согреть, — пропищала Танька, когда Вовка с грудным стоном отвалился к холодной печке.

— Как согреть? Ты спички нашла? — начал Вовка в бессилии винить Таньку. — Целый день без толку бегала.

Таня от обиды захныкала.

— Я просила. Никто не давал. Даже не отвечали.

Она подлезла к лежащему Вальке, нащупала его сжатый кулачок, обхватила ладошками и стала дышать, пытаясь согреть его пальчики своим слабым дыханием.

— Давай, Валенька, просыпайся! Мы рыбку тебе принесли, как обещали, большую-пребольшую, как сом, — разжала она его тонюсенькие пальцы, стала тереть и греть в своих ладошках.

О пол что-то глухо стукнуло.

— Вовка, что это? — протянула Танька в темноту.

Впотьмах Вовка нащупал Танькину руку и от удивления завопил:

— А-а-а, зажигалка!

Под утро, когда печка накалилась докрасна (Вовка еще пару раз сбежал на чей-то тайный мебельный склад и приволок небольшой, расписанный розами столик и деревянную кушетку, обшитую золотым бархатом), Валька задрожал веками, приоткрыл глаза и как-то жалко, виновато скривился.

— И-и-и, Валечка, мой миленький, щас я тебя рыбным супчиком накормлю, — рыдала Танька и целовала его приоткрытые синие губы и прозрачное испуганное личико.

Вовка сидел на полу и помешивал в котелке парящую жирную уху из трех разваренных селедок. Голые хребты с хвостами и головы он выловил ложкой и сложил остывать на подоконник.

В банке оставалось еще две рыбины. Целый день они сушили одежду, отсыпались и ели душистую сытную похлебку. Как стемнело, Вовка оставил Таньку с Валькой, а сам засобиравшись опять под мост. После небольших раздумий он все понял. Снимая разрезанную банку, он увидел, что зубья остроги пробили еще и тонкую доску. Значит, глубоко в иле остался целый ящик на двенадцать банок, такие он видел в магазине. А может, еще что-то по мелочи, разбросанное по дну. Теперь Вовка почувствовал свои силы, стал уверен, собран и осторожен. Пробив не сильно замерзший лед, Вовка со второго раза крайним зубом остроги легко нанизал и вытащил новую банку с деревянным обломком ящика. Четвертый и седьмой удары также были удачными. Разгорелся такой дикий азарт, что Вовка еле сдерживался, чтобы не закричать от счастья туда, в глубину черного канала с отсвечивающими блестящими звездочками. Еще вчера в это же время он, рыдая, проклинал все на свете и, особенно, эту черную дыру. Сложив три банки в ведро, он сверху замаскировал льдом и снегом, спрятал под мостом острогу и с радостно колотящимся сердцем победителя пошел домой. После несколь-

ких ночных походов под тощим матрасом его кроватной сетки лежали восемь больших банок селедки «Иваси», двенадцать продолговатых баночек рыбного паштета, консервы маленьких рыбок в томате и две банки черной икры. Три раза в день они хлебали жирные рыбные супы, заедали паштетом, а икру делили по-честному: три ложки Вальке и одну Таньке. А Вовка не очень любил икру, хрустел подсушенными головами и косточками сельди.

Теперь все у них наладилось, главное, имелись еда и тепло. Только от мамы пока не было известий. Из окна Вовка не раз видел торчащего на мосту Витьку Шило. Тот останавливал редких прохожих и что-то у них спрашивал. Когда на улице темнело, Вовка осторожно выходил из дома за чужой спрятанной мебелью и водой.

Рано утром, замотав в газету три селедки и баночку паштета, Вовка пошел в госпиталь к маме. До обеда просидел в проходе между лестницей, спрашивая у людей в белых халатах о маме и усатом фельдшере.

Наконец он увидел мелькнувшего на ступеньках фельдшера и понесся к нему.

— Где мама, скажите, где моя мама? — задыхаясь, повторял Вовка, крепко ухватив его за мятый халат.

— Какая мама? — остановился фельдшер.

— Моя мама Нина, с обваренной рукой, вы к нам домой со Степановной приходили, — сорвался на крик Вовка.

— А, это ты, — узнал фельдшер.

— Жива пока. Руку отрезали, слабая. Но, видать, выкарабкается. Я думал, сразу, а она, того, и нет, держится. Значит, есть из-за чего за этот свет цепляться.

Вовка полез в противогазную сумку, шурша газетами.

— А вы как, все живые? Кто приютил? Степановна ведь померла.

— Все, все... и Танька, и Валька. Вот передайте маме, пожалуйста, скажите, что у нас хорошо, еда есть, пусть не волнуется.

— Селедка, что ли, — приоткрыл фельдшер газету, — где взял?

— Под мостом поймал, — не думая, ответил Вовка.

— Ладно, рыбак, передам. Похлебку санитарки сделают. Через пару дней приходи, проведу к матери.

В конце марта маму выписали. К этому времени нашли документы и восстановили карточки. В мае их всех эвакуировали в Свердловск. В конце лета из Челябинска за Танькой приехала ее родная тетка. Прощались недолго. Вовка по-братски, без слов, пожал Таньке руку, обнял и отошел в сторону. А Валька с Танькой не выдержали, разревелись. В последнее время они как будто срослись воедино. «Словно сиамские близнецы», — шутил Вовка. Теперь их единую душу рвали пополам. Ведь благодаря стараниям Таньки Валька быстро поправился и снова заговорил. Она возилась с ним с утра до ночи, читала книжки, постоянно разговаривала, даже спала в обнимку. Уже на станции возле шипящего поезда Валька схватил ее за шею и, всхлипывая, повторял: «Та-та-та-танечка, как закончится война, приезжай в Ленинград, встретимся на нашем мосту, помни, я буду ждать».